

A pig character is the central figure, dressed in a dark, worn military uniform with a cap and goggles. The pig has a determined expression. The background is a war-torn village with half-timbered houses, many of which are damaged or partially destroyed. Laundry hangs from lines across the street, and the sky is a dramatic, orange-red color, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is a detailed, hand-drawn illustration.

Солнце не погаснет

Василий Майер

18+

Василий Майер

Солнце не погаснет

Серия «Цикл солнца», книга 1

<https://litres.ru/73865833>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город-лабиринт живёт под чужим солнцем. Оно висит слишком низко, жжёт слишком сильно — но люди привыкли. У них нет другого.

Мальчик просыпается в этом мире без памяти. Он не знает, кто он, почему на нём странный костюм и зачем его преследуют.

Ему двенадцать. Он никому не нужен. Но кто-то считает его чудовищем, кто-то — ключом к спасению, а кто-то — просто едой.

Мрачная антиутопия о выборе, цене надежды и любви, которую не помнишь, но чувствуешь в каждой нитке старого костюма.

Содержание

ГЛАВА 1: «ЛЕГЕНДА»	4
ГЛАВА 2: «ИЗГОЙ»	13
ГЛАВА 3: «ПЕРВАЯ КРОВЬ»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Василий Майер

Солнце не погаснет

ГЛАВА 1: «ЛЕГЕНДА»

Где-то глубоко в Лабиринте, в нише под каменной лестницей, горел костёр.

Пламя лизало старые доски, вырывая из темноты лица детей. Они сидели плотным кольцом — кто, поджав ноги, кто, привалившись к соседу. Снаружи, за тонкими стенами, дышал холод. А здесь, у огня, было тепло. Настоящее тепло — то, которое идёт не только от пламени, но и от голоса.

Старик сидел в центре, закутанный в ворох тряпья, похожий на большой тёплый кокон. Из этого кокона торчали только руки — сухие, узловатые, похожие на корни — и лицо, изрезанное морщинами так глубоко, что в них можно было прятать спички.

— Сегодня, — начал он, и голос его скрипнул, как старая дверь, — сегодня я расскажу вам про Морозы.

Самый маленький, лохматый мальчишка лет пяти, заерзал и подполз ближе.

— А они были сильнее, чем сейчас?

Старик протянул руку и потер его макушку. Ладонь на мгновение задержалась на вихрах.

— Сейчас у нас есть Солнце, — сказал он медленно. — Оно жжёт. Оно делает нас больными. От него слепнут глаза, если долго смотреть. Но оно — есть. А тогда... тогда его не было совсем. Только снег, только ветер, только ночь, которая тянулась годами.

Девочка в платке, самая старшая из детей, спросила тихо:

— А как же люди жили?

Старик пожал плечами.

— Жили. Человек, дети, он ко всему привыкает. Зарывались глубоко в норы, жгли последние поленья, заворачивались в шкуры. Ждали.

— Чего?

— Чуда.

Где-то на краю города, в каменной пещере, заваленной пылью, открылись глаза.

Сначала — темнота. Потом — собственное дыхание, гулкое, чужое. Потом — боль, разлитая по всему телу, будто его слепили из разных кусков и плохо притерли швы.

Мальчик медленно сел. Вокруг были вещи — разложенные аккуратно, будто кто-то ждал этого момента. Он не знал, как его зовут. Не знал, сколько ему лет. Не знал, зачем он здесь.

Растерянность — вот что он чувствовал. Но рука уже сама потянулась к костюму.

Ткань — мягкая, плотная, в грубых стежках. Местами истончилась, местами укреплена заплатками. Этот костюм не был новым. Он был нужным.

Сначала ноги. Потом туловище. Потом — самое главное.

Капюшон скользнул на голову, скрывая волосы, лоб, уши. Мягкая ткань облепила лицо, оставляя свободными только рот и подбородок. Пальцы нащупали выступ — розовый, по-

хожий на звериный нос. Потянул вниз — щелчок, мембрана закрыла нос и рот.

Сделав глубокий вдох, воздух стал поступать иной — чище, мягче, легче.

Последними — очки. Большие, круглые, с чёрными линзами, в которых ничего не отражалось. Мир вокруг погас, остались только контуры, тени, звуки.

Мальчик встал. Теперь он был собран.

Ноги сами повели его к выходу.

— И вот, — продолжал старик, поглаживая лохматого мальчика по голове — тот уже клевал носом, но боролся со сном, — когда люди перестали надеяться, когда последние поленья догорели и последний хлеб замёрз... пришёл Он.

— Кто? — выдохнули дети.

— Чужак. Не из наших родов. Говорили, явился из глубины Морозов, из самого их сердца. Но когда он подошёл к людям, Морозы отступили. Потому что внутри у него горел огонь. Не такой, как этот, — старик кивнул на костёр. — Настоящий. Тот, который не жжёт, а греет.

— И он дал нам Солнце?

— Он спросил разрешения, — усмехнулся старик. — Пришёл к тем, кто замерзал, и спросил: «Можно, я согрею вас?»».

— А они?

— Молчали. Боялись. Думали — обманет. А он просто поднял руки... и ослеп. Прямо на их глазах.

Тишина. Даже угли перестали потрескивать.

— Ослеп?

— Навсегда. Отдал свой свет, чтобы мы могли видеть. А когда люди вышли из убежищ, когда увидели небо... они испугались. Испугались его пустых глаз. Испугались его молчания. Испугались того, что он сделал.

— А что он сделал?

— Подарил им жизнь, — тихо сказал старик. — А они не знали, что с этим делать.

— И что потом?

— Люди, они всегда боятся того, чего не понимают. Они придумали басню — страшную, для непослушных детей. И чтобы басня стала правдой, начали вырезать из камня его лицо. Только сделали его чудовищным. С рогами, с клыками, с горящими глазами. Поставили эти статуи по всему городу и сказали: «Вот кто украл наш покой. Вот кто запер нас здесь. Бойтесь его».

— А на самом деле что?

Старик долго смотрел в огонь.

— А на самом деле, дети, он просто отдал нам всё. А мы... мы просто не умеем принимать дары от тех, кто не похож на нас.

Мальчик вышел из пещеры.

Ночь стояла над городом. Тёмное небо, ни звезды, только слабое оранжевое зарево на горизонте — там, где Солнце ещё не взошло, но уже дышало своим ядовитым жаром.

Город расползлся перед ним — каменный муравейник, где дома лепились друг к другу, рождая бесконечные коридоры, тупики, арки. Между ними — натянутые тряпки, пёстрые, выцветшие, создающие второй этаж, где вечно царил полумрак.

Шаг. Песок скрипнул под ногами. Мальчик оглянулся — пещера уже сливалась с камнями, не отличить.

Внутри кольнуло. Что-то важное осталось там, в темноте. Но память молчала.

Он пошёл вперёд.

— А он умер? — спросил лохматый мальчик, засыпая.

— Нет. Ушёл. Обратно в Морозы, откуда пришёл. Но перед уходом сказал одну вещь.

— Какую?

— «Моё право однажды вернётся. И заберёт то, что принадлежит мне по праву».

— Это плохо?

— Мы не знаем, — старик покачал головой. — Может, проклятие. Может, обещание. Может, просто слова уставшего человека.

Девочка в платке зевнула, прижалась к соседу.

— А что, если он уже вернулся?

Старик посмотрел на спящих детей — на их бледные лица, тонкие руки, доверчивые глаза.

— Если вернулся... — голос его упал до шёпота. — Я хочу узреть его. Хотя бы раз.

Мальчик шёл по пустой улице. Город молчал. Только тряпки над головой хлопали на ветру.

Кто он? Куда идёт? Зачем?

Память молчала. Но тело знало — туда. Вперёд.

Где-то в нише под лестницей, у догорающего костра, спали дети. Старик сидел неподвижно, глядя в темноту.

А над городом, над Лабиринтом, над спящими и бодрствующими, всходило Солнце.

Его первые лучи упали на лицо мальчика в чёрных очках.

Он зажмурился даже сквозь линзы.

И пошёл дальше.

ГЛАВА 2: «ИЗГОЙ»

Дома были все как один — фахверковые, с тёмными балками и светлыми стенами. Они лепились друг к другу, рождая бесконечные коридоры, тупики, арки. И только разноцветные навесы, натянутые между ними, разделяли эту каменную бесконечность — жёлтые, синие, выцветшие до бледности, они хлопали на ветру, и их тени ползали по стенам, как живые существа.

Песок скрипел под ногами. Мягкий, тёплый, он засыпал следы почти сразу — будто здесь никто никогда не проходил.

Мальчик остановился посреди улицы и оглянулся. Пещера, из которой он вышел, уже слилась с камнями. Не отличить. Он повернул голову в другую сторону — та же улица, те же дома, те же тряпки.

Он не знал, куда идти.

Тело, которое так уверенно вело его из пещеры, теперь молчало. Руки безвольно висели вдоль тела, пальцы нервно шевелились. Ноги переминались с места на место, не решаясь сделать следующий шаг.

Он стоял и смотрел, как песок медленно засыпает его следы.

Солнце слепило. Даже сквозь чёрные линзы. Оно висело так низко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой. Мальчик запрокинул голову, посмотрел на оранжевый шар. В голове промелькнуло: красиво. Пока солнце не начало резать глаза даже сквозь очки.

Город просыпался без людей.

Мальчик подошёл к стене ближайшего дома. Провёл рукой по дереву. Оно было тёплым. Солнце нагревало его с утра, и стены хранили это тепло, как живые.

В пещере всё было холодным.

Он не знал, что дерево может быть тёплым.

Шорох.

Мальчик замер. Голова резко повернулась в сторону звука. В конце улицы мелькнула фигура. Человек.

Он не знал, почему, но тело само сделало шаг назад, в тень

под навесом. Он прижался к стене, затаил дыхание.

Человек шёл медленно. Нёс в руках какую-то миску. Худой — очень худой. Кожа обтягивала кости так, что казалась прозрачной. Одежда — простая, мешковатая, вся в заплатках.

Человек остановился. Посмотрел прямо в сторону укрытия мальчика.

Взгляд был пустой. Без эмоций, без интереса — просто смотрел.

Не дыши. Не шевелись.

Мальчик не знал, откуда взялась эта команда. Просто знал — надо.

Человек постоял ещё немного, потом отвернулся и пошёл дальше. Скрылся в переулке.

Мальчик выдохнул. Воздух через фильтр — чистый, мягкий, лёгкий. Но сердце всё ещё колотилось где-то в горле.

Руки дрожали. Он посмотрел на них — пальцы мелко тряслись. От страха? От холода, который вдруг накатил,

несмотря на тёплые стены?

Он не знал.

Он не знал, кто он. Не знал, почему проснулся. Не знал, куда идти.

Он знал только одно — этому миру он чужой.

Солнце садилось. Он не знал, сколько прошло времени. Час? Два? День словно сжимался, убегал сквозь пальцы.

Голод пришёл не сразу. Сначала просто слабость, потом — ноющая пустота внутри. Мальчик не знал этого чувства, но тело подсказывало: надо что-то съесть.

Он пошёл дальше, держась теней. Улицы сменялись улицами. Повороты — поворотами. Всё было одинаково и всё — разным.

И вдруг он увидел прилавок. Деревянный стол, накрытый чистой тряпкой. На нём — лепёшки. Рядом никого не было.

Мальчик замер. Огляделся. Улица пуста.

Он шагнул вперёд. Протянул руку.

Пальцы уже коснулись лепёшки, когда мир взорвался криком.

— Ах ты тварь!

Женщина выскочила из-за прилавка — она сидела в тени, он её не заметил. В руке у неё была палка. Она замахнулась, заорала ещё громче:

— Ворьё! Помогите!

Из дверей, из-за углов, из окон начали выходить люди. Они смотрели на него. И в их глазах был не просто гнев. Был страх. Настоящий, животный страх.

Мальчик смотрел на свои руки, на свой костюм, на розовый нос, на чёрные очки. Он не понимал. Он был просто голодным.

Для них он был чудовищем.

— Это он! — закричал кто-то. — Из легенды! Демон!

— Каменный идол ожил!

Кто-то швырнул камень. Камень ударил в плечо — больно, но костюм смягчил удар. Потом второй, третий. Один попал в голову — очки выдержали, но боль вспыхнула ослепительно ярко.

Мальчик побежал.

Он бежал, не разбирая дороги, петляя между домами, ныряя под тряпки. Крики затихали позади, но страх гнал вперёд. За ним гнались. Не просто прогоняли — гнались с палками, с камнями, с желанием убить.

Кто-то схватил его за руку.

Он вырвался, оставив в чужой ладони кусок ткани. Кто-то ударил палкой по спине — боль пронзила всё тело.

Он бежал, пока не кончились силы.

Он не помнил, как оказался здесь.

Вокруг было тихо. Очень тихо. Даже ветер не залетал в эти места.

Мальчик поднял голову и замер.

Над ним возвышалась статуя.

Огромная. Настоящий великан. Она сидела на каменном постаменте, поджав под себя ноги, и смотрела куда-то вдаль пустыми каменными глазами. Лицо было искажено — рога, клыки, звериный оскал. Таким изображают демонов в страшных сказках.

Но мальчик смотрел на неё и не чувствовал страха.

Он видел костюм. Такой же, как у него. Тёмный, облегающий, с капюшоном. На лице — маска. Только у статуи она была страшной, с рогами и клыками. А у него — просто розовый нос и чёрные очки.

— Ты... — выдохнул он. — Ты похож на меня.

Статуя молчала.

Мальчик сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Подошёл вплотную, положил руку на каменную ступню. Камень был тёплым — солнце нагрело его за день.

— Тебя тоже гнали? — спросил он тихо. — Поэтому ты здесь?

Статуя не отвечала. Но и не прогоняла.

Мальчик обошёл её, разглядывая. Статуя была огромной — он едва доставал до колена. На каменной одежде были складки — глубокие, удобные. Он ухватился за одну, подтянулся, забрался выше. Потом ещё выше.

Он нашёл место на колене статуи — ровное, тёплое, защищённое от ветра каменной рукой, нависающей сверху.

Мальчик сел, обхватил колени руками. Посмотрел на город внизу. Отсюда, с высоты каменного великана, он казался маленьким и далёким. Безопасным.

— Ты не прогоняешь, — прошептал он. — Спасибо.

Он прижался щекой к камню и закрыл глаза.

Сколько он проспал — не знал. Проснулся от того, что солнце било прямо в лицо даже сквозь очки. Новый день. Он прожил здесь ночь, и никто его не тронул.

Мальчик сел, осмотрелся. Статуя всё так же возвышалась над ним, всё так же молчала.

— Я ещё здесь, — сказал он ей. — Ты не против?

Статуя молчала.

Он улыбнулся — впервые за всё время.

— Значит, не против.

Дни потекли незаметно.

Он не считал их. Солнце вставало и садилось, промежутки между этим казались всё короче, но он перестал обращать внимание. У него теперь был дом.

Статуя стала его крепостью. Он изучил каждую её трещину, каждый выступ. Знал, где лучше сидеть утром, где — вечером, где прятаться от солнца, где — от дождя.

Он научился выживать.

Выходил только ночью. Двигался бесшумно, прятался в тених, перебирался по крышам. Люди внизу не смотрели вверх — и это спасало.

Он воровал еду. Только то, что плохо лежало. Только когда никто не видел.

И каждый раз, возвращаясь к статуе, он говорил ей:

— Я вернулся.

Она не отвечала. Но он знал — она ждала.

Прошло время. Много времени. Он перестал считать дни, потом недели, потом месяцы.

Он вырос. Костюм пришлось подшить, добавить заплаток. Розовый нос всё так же торчал вперёд, очки всё так же скрывали глаза.

У него появились любимые места. На левом плече статуи — чтобы смотреть на закат. В складке у пояса — чтобы спать. И у самого лица — чтобы разговаривать.

— Смотри, — говорил он, сидя на каменной ладони. — Сегодня опять этих видел. Маленькие. Под мостом прятались. Я им еду отнёс.

Статуя смотрела вдаль своими пустыми глазами.

— Ты бы видел их лица. Испугались сначала. Потом поняли, что я не трону.

Ветер. Тишина.

— Ты похож на меня, — сказал он тихо. — Только страшный. Почему тебя таким сделали?

Статуя молчала.

— Тебя тоже боялись? — спросил он. — Наверное, боялись. Меня тоже.

Он помолчал, глядя на город.

— Но ты не страшный, — сказал он вдруг. — Ты добрый. Ты меня приютил. Ты меня слушаешь.

Он прижался щекой к каменной щеке.

— Ты мой друг.

В одну из ночей, возвращаясь к статуе, он услышал крики.

Детские.

Он замер на крыше, всмотрелся в темноту. Внизу, в проулке, бежали трое детей. Маленькие. Самому старшему —

лет восемь. Они неслись изо всех сил, оглядываясь назад.

А за ними — двое с палками. Стража.

Мальчик смотрел.

Внутри что-то шевельнулось. То самое, что когда-то заставило его убегать от камней. Только теперь он был не жертвой.

Он спрыгнул.

Приземлился прямо между детьми и стражниками. Тени, тряпки, темнота — он возник из ниоткуда, как призрак.

Дети замерли. Стражники — тоже.

— Это... это он! — выдохнул один. — Тот самый! Из легенды!

— Демон! — заорал второй. — Хватай его! За ним награда! Забудь про детей!

Они бросились на него.

Мальчик рванул в сторону. Он знал эти улицы лучше, чем

они. Каждую щель, каждый проход.

— Стоять! — орали сзади.

Он бежал, и стражники бежали за ним. Петляя, уходя, исчезая и появляясь снова, он уводил их всё дальше от детей. А потом нырнул в тень под тряпками и исчез совсем.

Стражники заметались, не понимая, куда он делся.

— Где он?!

— Ушёл...

— Чтоб его...

Он слышал их голоса из своего укрытия. Слышал, как они матерятся, топают, ищут. А потом уходят.

Он выждал ещё долго. Потом выбрался, вскарабкался на крышу и побежал к статуе.

Он влетел в её тень, запыхавшийся, дрожащий. Забрался на своё место — на ладонь, прижался к камню.

— Я.. я спас их, — выдохнул он. — Троих детей. Они

гнались за мной, а не за ними.

Статуя молчала, но он знал — она слушает.

— Они меня боятся, — сказал он. — Стражники. Люди. Все. А дети... дети не боялись. Смотрели на меня и не боялись.

Он помолчал.

— Может, я не такой страшный, как ты? — спросил он тихо.

Статуя не ответила. Но в лунном свете её каменное лицо казалось чуть мягче. Или ему просто хотелось так думать.

— Я буду их защищать, — сказал он. — Тех, кто не боится. Тех, кто маленький. Тех, кто как я — один.

Он посмотрел на город с высоты каменного великана.

— Ты меня приютил. Я буду оберегать их.

Статуя возвышалась над ним — тёмная, огромная, страшная для всех, кто не знал.

А он знал.

— Спасибо, — прошептал он.

И провалился в сон на каменной ладони.

ГЛАВА 3: «ПЕРВАЯ КРОВЬ»

Два года. Или больше. Он уже не помнил.

Солнце успевало обойти небо и вернуться, но промежутки между этим давно перестали иметь значение. Дни стали длиннее — он чувствовал это по тому, как долго длится жара, как медленно ползут тени, как тяжело дышать даже в самую глухую ночь. Солнце висело низко и грело всё сильнее, будто подбиралось ближе, будто хотело что-то рассмотреть в этом городе. Люди прятались под навесами, выходили только по нужде, а он — он привык. У него была тень. У него был дом.

Статуя всё так же сидела на постаменте, поджав под себя каменные ноги. За два года он изучил каждый сантиметр её тела. Знал, где трещины глубже, где камень нагревается к полудню, где остаётся прохладным даже в самый пик. Знал, как забраться на плечо за три движения, как спрятаться в складке одежды, как свесить ноги с ладони и смотреть на город, думая о своём.

Он разговаривал с ней. Каждый день. Иногда вслух, иногда — просто шевеля губами.

— Сегодня опять этих видел, — сказал он, сидя на её колене. — Маленькие. Под мостом. Я им лепёшки оставил, пока они спали.

Статуя смотрела вдаль пустыми глазами. Её лицо, искажённое рогами и клыками, было страшным для всех. Для него — просто знакомым.

— Один проснулся, — он усмехнулся. — Глаза такие большие сделал. Я думал, закричит. А он сказал: «Спасибо».

Он замолчал, перебирая пальцами шершавый камень.

— Спасибо, — повторил он тихо. — Хорошее слово.

Он помнил тот день. Первый раз, когда он протянул руку к чужой лепёшке. Женщина с палкой, крики, камни. Боль в плече, боль в голове, бесконечный бег. Тогда он не понимал — он просто хотел есть. Для них он был чудовищем.

Теперь он оставлял еду там, где её найдут. Не брал — оставлял. Не для себя — для других. Маленьких. Голодных. Таких, каким был он сам.

— Не надо им знать, кто я, — сказал он статуе однажды.

— Главное, чтобы они были сыты.

Статуя промолчала. Но ему показалось, что её каменные губы чуть дрогнули.

Сегодня ему нужно было больше, чем обычно. В убежище под мостом он насчитал четверых. Маленькие, голодные, они жались друг к другу и смотрели на него огромными глазами, когда он спустился к ним в прошлый раз. Тогда он ничего не принёс — только посмотрел, запомнил, ушёл. Сегодня он вернётся с едой.

Он знал одну лавку на восточной окраине. Там торговала пожилая пара, они держали лепёшки в деревянном ларьке под навесом. Ночью ларек закрывался, но замок был старый, а щель между крышкой и стенкой — широкая. Он просовывал руку, нащупывал лепёшки, брал ровно столько, сколько нужно. Не больше. Никогда не больше.

Он спустился с крыши, бесшумно пересёк улицу, прижался к стене. Ларек был здесь. Он уже знал, как откинуть защёлку, как просунуть руку, как нащупать край лепёшки.

— Бери только что нужно, — прошептал он. — Для них. Для себя.

Пальцы сомкнулись на тёплой, ещё хранящей дневное тепло лепёшке. Три. Четыре. Пять. Шесть. Четыре детям, две — себе. Этого хватит на несколько дней.

Он сунул лепёшки в мешок, затянул ремешок, уже собираясь уходить, когда услышал шаги. Тяжёлые. Мерные. Не один человек.

Стража.

Он замер, прижался спиной к ларю. Из-за угла вышли двое. В руках — палки с металлическими наконечниками, от которых шёл едва заметный голубоватый отсвет. Электрошокеры. Такие были только у стражников. Обычным людям такое не полагалось.

— Говорят, опять объявился, — сказал один, понижая голос.

— Давно пора поймать эту тварь, — второй сплюнул на песок. — Жрецы говорят, пока он бродит по городу, Солнце не успокоится. Его кровь нужна.

— Слышал. В прошлый раз чуть не взяли, да ушёл. А говорят, тот стражник, что за ним гнался...

— Молчи, — второй оглянулся, будто кто-то мог их слышать. — Не наше дело.

— А награда? Пятьсот монет обещали. За живого. Или за мёртвого — без разницы.

Мальчик слушал, не дыша. Пятьсот монет. Его жизнь стоила пятисот монет. И они хотели его крови. Для ритуала. Чтобы Солнце успокоилось.

Он медленно, очень медленно, начал отступать в тень. Каждое движение — плавное, беззвучное. Стражники стояли к нему спиной, смотрели в другую сторону.

— Ладно, пошли. Всё равно он здесь не появится. Говорят, он на крышах живёт. Как ящерица.

— Поймаем. Рано или поздно.

Они ушли. Мальчик выждал ещё долго, потом выбрался из укрытия и побежал к мосту.

Дети уже ждали. Тот, что в прошлый раз сказал «спасибо», сидел на корточках у стены, растирая босые ноги. Девочка с огромными глазами спала, положив голову на колени старшему. Ещё двое — совсем маленькие — возились в

пыли.

Он спустился к ним не прячась. В первый раз они шарахнулись, замерли, глядя на его костюм, на розовый нос, на чёрные очки. Теперь — только вздрогнули и сразу успокоились. Узнали.

— Я принёс, — сказал он, протягивая мешок. Старший мальчик принял, заглянул внутрь, глаза расширились.

— Спасибо, — выдохнул он.

— Спасибо, — повторила девочка, просыпаясь.

Самый маленький, тот, что в прошлый раз сказал «спасибо» первым, подполз ближе, потрогал край его костюма.

— Ты не страшный, — сказал он. — Ты просто другой.

Мальчик посмотрел на него. На бледное лицо, на тонкие руки, на глаза, в которых не было страха.

— Бегите, — сказал он. — Здесь опасно. Сегодня стража ходила. Спрашивали про меня.

Старший кивнул, быстро собрал детей, сунул каждому по

лепёшке. Девочка, уходя, обернулась:

— А ты?

— Я справлюсь.

Они исчезли в темноте. Он постоял ещё немного, потом полез наверх. Надо было возвращаться к статуе.

Он не дошёл.

Стража ждала на пути. Четверо. Может, те, что у лавки, подняли тревогу. Может, другие. Они стояли на крыше, перекрывая единственный проход — старую балку, переброшенную между домами.

— Стоять, — сказал тот, что в центре. В руке у него была не палка — короткое копьё с голубоватым наконечником. — Слезай, тварь. Кончилось твоё бродяжничество.

Мальчик замер. Позади — пустота. Впереди — четверо. Балка узкая, разойтись нельзя. Назад — только прыгать вниз, а там ещё двое, он слышал их шаги.

— Говорят, твоя кровь нужна, — сказал стражник с копьём, делая шаг вперёд. — Жрецы сказали: пока ты жив, Солнце жжёт слишком сильно. Пока ты жив, дни становятся длиннее. Твоя смерть всё исправит.

— Я не хочу умирать, — сказал мальчик. Голос прозвучал тихо, но твёрдо.

— А кто ж тебя спрашивает, крыса? — стражник с копьём усмехнулся. — Ты думаешь, ты первый, кого мы ловим? Ты думаешь, ты особенный?

— Он особенный, — сказал второй. — Жрецы сказали — его кровь открывает путь к Солнцу. Его кровь нужна. Живая или мёртвая — не важно.

— Живая лучше, — третий облизнул губы. — Живая — свежая.

Мальчик смотрел на них. Четверо. Все с оружием. Все хотят его крови.

— Беги, — сказал стражник с копьём. — Беги, тварь. Или прыгай. Всё равно твоя кровь будет наша.

Мальчик рванул вперёд.

Не назад — навстречу. Он нырнул под руку стражника, уходя от удара, вцепился в балку, перекатился. Стражник заорал, развернулся, замахнулся снова. Наконечник вспыхнул голубым, воздух вокруг зашипел.

Мальчик отпрыгнул на соседнюю крышу, но второй стражник уже ждал там. Палка свистнула в воздухе, ударила по ногам. Боль вспыхнула острая, яркая, он упал на колени.

— Попался, — выдохнул стражник, занося палку для нового удара.

Мальчик рванулся в сторону, проскользнул по песку, вскочил. Край крыши. Под ним — пропасть между домами, узкая, но глубокая. На другой стороне — балка, знакомый путь к статуе. Если перепрыгнуть...

Стражник с копьём уже был рядом. Он занёс оружие для удара — не чтобы оглушить, чтобы убить. Голубое остриё летело прямо в грудь.

Мальчик шагнул назад, теряя опору. В тот же миг он схватил стражника за руку — не думая, не планируя, просто пытаясь удержаться. Рывок. Стражник дёрнулся вперёд, пыта-

ясь сохранить равновесие, но потерял его. Копьё выпало, зазвенев по камням. Тело стражника качнулось, заскользило по краю.

Они смотрели друг на друга секунду. Может, меньше.

Потом стражник сорвался вниз.

Мальчик услышал звук. Не удар о землю. Не хруст костей. Что-то другое. Мокрое. Рвущее.

Он подошёл к краю. Заглянул вниз.

Внизу, на дне ущелья между домами, стоял старый металлический забор. Кованые прутья торчали вверх, острые, как копыя. Стражник упал на них.

Один прут вошёл в рот. Он пробил череп насквозь и вышел через глазницу, вырвав глаз из орбиты. Глаз висел на щеке, придавленный прутом, — мутный, белый, с красными прожилками. Кровь текла из пустой глазницы, заливая лицо, стекая по шее.

Второй прут торчал из живота. Третий — из груди, пробив лёгкое. Руки стражника висели по бокам, неестественно вывернутые, как у марионетки, у которой оборвали ни-

ти. Пальцы ещё шевелились — последний нервный импульс, последняя попытка ухватиться за жизнь.

Лицо было обращено вверх. Оно смотрело прямо на мальчика. Рот был открыт — широко, неестественно, потому что прут не давал ему закрыться. Губы шевелились, пытаясь что-то сказать, но вместо слов выходила только кровь. Пузырилась, стекала по подбородку, капала вниз.

Стражник был жив.

Ещё жив.

Мальчик смотрел, не в силах отвести взгляд. Кровь текла по прутьям, собиралась в лужи на песке. Живот дёргался — всхлипы, хрипы, бульканье. Руки дёргались. Ноги дёргались. Всё тело дёргалось, как у насекомого, насаженного на булавку.

Потом дёрганье прекратилось. Руки обвисли. Голова запрокинулась назад, открывая горло, перерезанное осколком металла. Глаз, висящий на щеке, качнулся последний раз и замер.

Мальчик смотрел.

Внизу, в проулке, кто-то закричал. Второй стражник, тот, что был с ними. Он стоял, уставившись на тело, и кричал. Кричал так, будто это его проткнули.

— Ты... ты... — он поднял голову, посмотрел на мальчика. В его глазах был не гнев. Был страх. Настоящий, животный страх. — Демон!

Мальчик не ответил. Он стоял на краю крыши и смотрел вниз. На тело. На кровь. На глаз, висящий на щеке. На руки, вывернутые как у марионетки.

Он не хотел этого. Он просто хотел, чтобы они отстали. Он просто хотел жить. Он не хотел...

Он развернулся и побежал.

Он бежал, не разбирая дороги. Прыгал с крыши на крышу, срывался, падал, вставал, снова бежал. Внутри всё дрожало. В груди было пусто и тяжело одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.